

УДК 94 (470)

ВЛАДИМИР МОНОМАХ ГЛАЗАМИ СОВРЕМЕННОКОВ И ПОТОМКОВ: ФОРМИРОВАНИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ МИФОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗА

© 2016 г.

А.С. Ищенко

Донской государственный аграрный университет, Новочеркасск

ischenko-2010@mail.ru

Поступила в редакцию 15.06.2016

Рассматривается формирование и эволюция мифологического образа киевского князя Владимира Мономаха. Показано, что начало этому процессу было положено ещё современниками князя, причём самым активным его творцом выступал он сам. Окончательно сформировавшись примерно к середине XIII в., этот миф претерпел затем существенную эволюцию. В итоге к концу XV – началу XVI в. Владимир Всеволодович из грозы половцев, гаранта справедливости и защитника притесняемых превратился в династический символ и олицетворение единодержавия. Будучи наиболее актуален в годы правления Ивана Грозного, данный миф затем постепенно угасает и с выдвиганием Петром I на пьедестал славы Александра Невского окончательно вытесняется на периферию общественного сознания.

Ключевые слова: Владимир Мономах, миф, мифологизированный образ, общественно-историческое сознание, Киевская Русь, Московское царство.

Историография, посвященная Владимиру Мономаху, насчитывает весьма солидное число исследований. Однако практически все они написаны либо в традиционном историко-биографическом ключе, либо затрагивают отдельно взятые политическую, военную, законодательную или литературную стороны деятельности князя. Нас же в данной статье будет интересовать не столько биография князя или его вклад в политическое и иное развитие общества, сколько процесс его превращения в миф и трансформация этого мифа, что до сих пор остаётся мало исследованным. Говоря при этом о мифологизации образа князя или мифе о нём, следует изначально отмежеваться от вульгарного противопоставления мифа и реальности, поскольку миф сам – по крайней мере для тех, кто является носителем мифологического сознания – предстаёт в виде «полностью объективной реальности» [1, с. 9]. Об этом много и ярко писали такие признанные отечественные и зарубежные специалисты в области исследования мифологии, как А.Ф. Лосев, М.И. Стёблин-Каменский, Ю.М. Лотман, Р. Барт, М. Элиаде и др. Наиболее же продуктивным в этой связи представляется семиотический подход, трактующий миф как *вторичную моделирующую систему*, своего рода надстройку над языком как первичной знаковой системой, существенно деформирующую его исходную семантику и подменяющую её новыми смыслами: «Язык, – писал Р. Барт, – предоставляет мифу как бы пористый смысл, легко способный набухнуть просочившимся в него мифом» [2, с. 293]. Такой

подход позволяет понять, как происходит это, выражаясь словами того же Р. Барта, «похищение языка»; увидеть, как в подтексте исторического нарратива проступают иные, мифологические по своей сути, смыслы, что имело место в образе Владимира Мономаха.

Начало формированию мифа об этом князе было положено ещё его современниками, причём самым активным его творцом выступал он сам, будучи, как верно подметила Т.Л. Вилкул, «одним из первых деятелей Древней Руси, кто по достоинству оценил значение “нерукотворных памятников” и потрудился над тем, чтобы оставить по себе добрую память» [3, с. 44]. Структура этого мифа формировалась путем оттеснения на второй план других политических фигур, их «затемнения» и выдвигания на первый план Владимира Мономаха, его прославления. Этот процесс получил отражение в целом ряде средневековых текстов, и прежде всего в русских летописях, среди которых ведущая роль по праву принадлежит древнейшей из них – «Повести временных лет», завершённой как раз в годы княжения Владимира Мономаха в Киеве [4, с. 99–100]. Основные его политические оппоненты – представители старших княжеских линий князя Святополк Изяславич и Олег Святославич предстают в ней в весьма неприглядном свете: первый из них – правитель алчный, слабый и неудачливый, второй – главный виновник усобиц и союзник половцев. Вряд ли это в полной мере соответствовало действительности [5, с. 56–57]. Главное, что на таком фоне Владимир Мономах выглядел осо-

бенно выигрышно. Он не просто ещё один князь в галерее прочих князей – ему в летописи отведена особая роль, и летописец стремился, чтобы это было замечено читателем. Но в чем же заключалась эта роль?

Как можно заметить, для летописца Владимир Мономах выступает в качестве последовательного воплощения идеала русского князя, всегда способного поступиться личными интересами и чувствами во имя интересов Русской земли, борца за её единство и мощь. Так, уже в 1093 г., когда умирает Всеволод Ярославич, Владимир, находившийся при умирающем отце, вместо того чтобы занять киевский стол, добровольно уступает его Святополку Изяславичу как старшему в роду [6, стб. 217]. Главное для него, как демонстрирует летописец, соблюсти законность и тем самым избежать междоусобной войны. Аналогичным образом Владимир поступает и в дальнейшем. Когда в следующем году к Чернигову из Тмутаракани с половцами приходит Олег Святославич, он заключает с ним мир, «и иде из града на стол отень Переславлю, а Олег вниде в град отца своего» [6, стб. 226]. Миротворчество, согласно ПВЛ, одна из главных характеризующих черт Мономаха и этим он резко отличается от своих политических оппонентов, отдававших предпочтение силовому разрешению конфликтов [7, с. 484–485]. Показательно в этой связи, что именно он, а не старший киевский князь Святополк предстаёт организатором и самым активным участником княжеских съездов, призванных положить конец усобицам и сплотить русских князей перед лицом внешней опасности. Самым положительным образом оценена его роль в событиях 1097 г.: в рассказе об ослеплении Василька Теребовльского Владимир выступает в роли миротворца и хранителя межкняжеского согласия на Руси [6, стб. 262–264].

Но будучи мудрым правителем и искусным дипломатом, предпочитающим мир войне, Владимир Мономах в то же время предстаёт непримиримым врагом и победителем половцев, главным борцом с их набегам, организатором и руководителем общерусских походов в половецкие степи. Одним из главных мотивов этой борьбы выступает его «смердолюбие»: именно заботой о смердах Владимир мотивирует необходимость скорейшего похода на половцев весной 1103 г. во время совещания со Святополком на Долобском озере. Дружина великого князя стала отговаривать от столь раннего похода, ссылаясь на то, что весенний поход погубит смердов и их пашню, но, произнеся свою знаменитую речь о смерде, находящемся под постоянной угрозой набега степняков, Мономах

убедил и Святополка и его дружину [6, стб. 277]. Аналогичный рассказ, еще более выделяющий Владимира Мономаха, летописец поместил и под 1111 г. [8, стб. 266]. Сам этот поход, сопровождавшийся подчеркнуто нарочитым поклонением кресту, предстаёт перед читателем ПВЛ настоящим триумфом Руси, а Владимир в его описании уподобляется Моисею, избавляющему «избранный народ» от врагов [9, с. 15].

Летописные записи выдвигают Владимира Мономаха прежде всего как объединителя княжеского рода, остановившего усобицы, и последовательного борца с половцами, начавшего целенаправленное наступление на Степь. Не последнее место в летописях занимает вместе с тем и строительная деятельность князя, предстоящего не только щедрым храмоздателем, заложившим в разные годы помимо известных каменных храмов «и ины мнози церкви... деревянные» [6, стб. 445; 8, стб. 248, 250, 286; 10, с. 467; 11, с. 43; 12, с. 210–211], но и градостроителем: им были заложены городок Остер на Десне и Владимир-на-Клязьме [8, стб. 248; 10, с. 467; 13, с. 103].

Несколько иначе в сравнении со временем, когда он был младшим переяславским князем, оказывавшимся, тем не менее, во главе большинства совместных политических мероприятий, Владимир изображается уже будучи великим киевским князем. Заняв после смерти Святополка в 1113 г. по призыву киевлян великокняжеский стол, он предстаёт не только усмирителем волнений, грозивших в случае его отказа своим расширением, но и законодателем. Главное же – сильным и справедливым правителем, сумевшим под своей властью на какой-то срок восстановить уже начавшее уходить в прошлое былое единство Руси, её могущество (неслучайно впервые за много десятилетий Мономах начинает вмешиваться в византийские дела, в связи с чем именуется *великим князем киевским*, что в летописном контексте встречается впервые). В соответствии со своим новым статусом киевского князя он более величественен, не столь деятелен (об этом свидетельствуют и «скромность» летописного рассказа и скудость вообще сведений о Владимире Мономахе в этот период), но всё также «братолюбив» и «нищелюбив».

Особенно чётко мифологизация Владимира Мономаха прослеживается в его посмертных панегириках, помещенных в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях. Если статья первой насыщена церковными цитатами (из Евангелий, Псалтири), то статья второй – «сжатее, без литературных цитат, но не лишена чувства» [14, с. 35]. Владимир в ней – «благоверный и благо-

родный князь христоролюбивый великий князь всея Руси». По оценке летописца, он «просвети Рускую землю, акы солнце луча пушая, егоже слухъ проидизе по всимъ странамъ, наипаче же бе страшень поганымъ, братолюбець и нищелюбець и добрый страдалецъ за Рускую землю» [8, стб. 289].

Ещё рельефнее символическое значение образа Мономаха проявляется в оценках политических достижений его преемников: желая воздать хвалу тому или иному князю, летописцы, как правило, сравнивали его с Владимиром или подчеркивали родство с ним. Авторитетом Мономаха, тем самым, обосновывались претензии на политическое господство на Руси его потомков или же их преемственность от этого великого князя в деле самоотверженной борьбы против врагов Руси. Так, упоминая под 1140 г. о трудностях, с которыми встретился Мстислав Владимирович, когда «налегли Половоци на Русь», летописец эмоционально восклицал: «се бо Мьстиславъ великий наследи отца своего поть, Володимера Мономаха великаго. Володимеръ самъ собою постоя на Доноу и много пота оутерь за землю Роускую» [8, стб. 303–304]. Новгородцы просят себе в князя именно из Владимирово рода: «Новгородци сдумавше, рекоша Всеволоду (Ольговичу, бывшему тогда великим киевским князем. – *А.И.*) не хотим сына твоего, ни брата, но племени Володимеря» [10, с. 211–212; 6, стб. 308–309; 8, стб. 307]. Это последнее признавалось, тем самым, главным княжеским родом, которому отдавали предпочтение перед другими княжескими кланами, и прежде всего перед Ольговичами.

Говоря о процессе формирования мифа о Владимире Мономахе, следует иметь в виду, что существенный вклад в этот процесс внес своими писаниями непосредственно и сам Мономах, мастерски применяя средства языка (последовательное использование глаголов действия), позиционировавший себя в знаменитом «Поучении» детям, адресованном также и всем, кто прочтет «сию грамотицу», образцом христианских добродетелей, волевым и энергичным политиком [15, с. 156–169; 16, с. 58–69]. Не менее сильное впечатление производит и помещённое в летописи вслед за «Поучением» письмо князю Олегу Святославичу, в битве с которым под стенами Мурома пал сын Мономаха Изяслав (1096 г.). На первый план в нём выступают христианское смирение и братолюбие Мономаха. «Суд от Бога ему пришел, а не от тебя», – пишет Владимир убийце своего сына. Он не только прощает, но и утешает его, просит забыть прежнюю вражду, взяв свою волю «добром», и тогда «лепше будем, яко и

прежде... Понеже не хочу я лиха, но добра хочу братьи и Русьскеи земли» [6, стб. 254]. В мировой литературе мало найдётся трудов, подобных этому короткому письму. По оценке Д.С. Лихачёва, оно написано «с удивительной искренностью, задушевностью и вместе с тем с большим достоинством» [17, с. 143].

Этот же процесс конструирования мифа о Владимире Мономахе получил отражение и в ряде других текстов: написанных сторонниками князя или прошедших через его канцелярию посланиях митрополита Никифора I (1104 – 1121 гг.) и «Сказании о чудесах святых страстотерпцев Христовых Романа и Давида». Для грека Никифора он был «добляя глава наша и всеи христоролюбивей земли», потому что его «Богъ издалеча проразуме и предповеле, и из оутробы освяти и помазав, от царское и княжское крови смесив, его же благочестие въспита» [18, с. 67]. Митрополит восхваляет Владимира за его равнодушие к мирским благам, простоту, щедрость и тому подобные добродетели. Случайно или нет, но запечатлённый им литературный портрет князя очень сильно напоминает саморепрезентацию Мономаха в своём «Поучении» детям. Что же касается «Сказания о чудесах...», то в нём «благочестивый князь Володимеръ» прославляется главным образом за своё ревностное почитание культа первых русских святых – Бориса и Глеба (в крещении соответственно – Романа и Давида), в трансформации которого в «военно-феодалный культ заступников за Русскую землю» и выдвижении в паре братьев на первый план именно Бориса, как своего личного патрона, видная роль принадлежала всё тому же Мономаху [19, с. 117–118; 20, с. 24–25, 34].

Важной вехой в процессе завершения формирования мифа о Владимире Мономахе явился Киево-Печерский патерик (середина XIII в.): здесь миф о нём предстаёт уже в относительно сложившемся виде, хотя некоторым мотивам придаётся более чёткая артикуляция – например, теме «мнихолюбия» князя, его почти идиллических отношений с церковью и т.д. [21, с. 300, 310, 400–402, 410, 432, 464]. Но наиболее востребованным в исторической памяти в условиях постоянных княжеских усобиц и установления власти Орды над русскими землями оказался образ Владимира Мономаха как защитника и устроителя Русской земли. Имплицитно, учитывая укоризны в адрес его антагониста – Олега Святославича, он присутствует уже в «Слове о полку Игореве». В виде же целостной сложившейся знаковой системы, обладающей, говоря словами Р. Барта, «императивностью отклика» [2, с. 283], мы наблюдаем этот миф в «Слове о погибели Русской земли» (между

1238 и 1246 г.). В нем Владимир Мономах возвеличивается как самоотверженный борец за Русскую землю, «грозный» и могущественный правитель, перед которым трепетали все другие народы и государства, начиная с половцев и кончая Византией [22, с. 157].

В последующие столетия этот миф претерпел существенную эволюцию. Политические успехи московских правителей XIV–XV вв. вдохновили русских книжников на создание целого цикла политических легенд об истоках Российского царства, которые теряются в ранней истории Киевской Руси. Образ идеального правителя – киевского князя Владимира Мономаха был ими избран на роль основателя московского «царского колена». Будучи не только внуком русского князя Ярослава Мудрого, но и сыном родственницы византийского императора Константина IX Мономаха [23, р. 416–417], он оказался для этого наиболее подходящим персонажем. Так, из грозы степняков, гаранта справедливости и защитника притесняемых Владимир Мономах превращается в династический символ и олицетворение единовластия. Рубежный момент в этой смысловой трансформации – «Послание на Угру» Вассиана Рыло: в нём Мономах ещё фигурирует как борец со Степью [24, с. 390, 392], а в «Послании» Спиридона-Саввы и «Сказаниях о князьях владимирских» (конец XV – первая четверть XVI в.) этот образ уже наполняется новым идейным смыслом. В соответствии с идеологическими потребностями формирующегося русского централизованного государства, Владимир Мономах предстал в указанных памятниках могущественным единовластным правителем, грозным воителем царьградских владений. Напугав своей силой Царьград, он получил из рук византийского императора знаки царского достоинства – «венец», то есть корону и другие дары. «И от того времени, – заключал автор «Сказания о князьях владимирских», – князь великий Владимир Всеволодич наречется Манамах, царь Великия Русия... И оттоле и донныне тем венцем венчаются царским величии князи володимерьстии, его же прислал греческий царь Коньстантин Манамах, егда ставятся на великое княжение русьское» [25, с. 177–178].

Вершиной мифа о Владимире Мономахе как самодержце, включенном в знаковую систему, прямо ориентированную на правителя Московского государства, стала созданная на рубеже 50–60-х гг. XVI в. «Степенная книга царского родословия». Образ «боговенчанного царя» Владимира Мономаха занял в ней особое место [26, с. 135]. Но в отличие от «Сказания о князьях владимирских» он прославляется в ней

прежде всего за различные мирные добродетели, главным образом за благочестие, а не за ратные подвиги. Так, ничего не говоря о походе Владимира на Византию, автор «Степенной книги» сообщает, что царский венец он получил «мужества ради своего и благочестия». Объяснение же этому давалось следующее: «И не просто рещи таковому дарованию не отъ человекъ, но Божиимъ неизреченнымъ судьбамъ претворяюще и преводяще славу Греческого царства на Росийскаго царя. Венчан же бысть тогда в Киеве темъ царскимъ венцемъ... и оттоле боговенчанный царь нарицашася въ Росийскомъ царствии» [27, с. 408–409]. «Степенная книга», тем самым, позиционировала Владимира Мономаха первым царём, увенчанным этим титулом от «гречьского царства».

Вера в харизму киевского князя, освященного византийскими инсигниями, была при этом подкреплена найденными в Москве знаками власти, демонстрировавшими своё «киевского происхождения». Самой известной из этих инсигний стал венец московских царей – так называемая «шапка Мономаха», впервые упоминаемая под таким названием в «Чине» «поставления» на великое княжение в 1498 г. Дмитрия Ивановича, внука великого московского князя Ивана III, включенном в летописный свод 1518 г. [28, с. 189–196]. Изготовленную, как доказывают специалисты, в 30-х гг. XIV в. для татарского хана Узбека, её в конце следующего – XV столетия, говоря словами Э. Кинана, «переименовали, или перекрестили, добавив крест, и выписали новый паспорт – подтасованную легенду, которая связывала её с Константином Мономахом» [29, с. 23].

Получив широкую известность и применение в политической практике [16, с. 115–118], образ Владимира Мономаха в эпоху Ивана Грозного стал, по существу, «базовым персонажем политико-идеологической системы организации и самоидентификации Российского монархического царства» [30, с. 112].

Для последующих русских царей Владимир Мономах был интересен прежде всего как яркий представитель собственной генеалогии, исторический предок, увенчанный византийскими инсигниями. Однако в целом интерес к нему с закреплением за московскими великими князьями царского титула и пресечением династии Рюриковичей ослабел. Угасанию монархического мифа о Мономахе способствовало вместе с тем и накопление исторического знания, в свете чего стал очевидным анахронистический характер сюжета «Сказания о князьях владимирских» о войне Владимира Всеволодовича с императором Константином Мономахом. Об

этом свидетельствуют попытки корректировки мифа, предпринятые в Густынской летописи и Синописе [31, с. 74–75]. Но, как известно, любая рационалистическая ретушь не спасает, а добывает миф. Окончательно же первого места среди исторических фигур идентификации Владимир Мономах лишился с выдвиганием Петром I на этот пьедестал Александра Невского, избранного им после победы над Швецией в Северной войне небесным покровителем Санкт-Петербурга и святым защитником всей империи [32, с. 130]. Совершенно очевидно, что политический посыл этого был связан с западным вектором политики Петра. Мономах же, символизирувавший противоположное направление, в этих условиях был не только не нужен власти, но и в некотором смысле даже мешал её устремлениям. Не решая уже никаких политических задач, он по существу оказался лишним и из политического мифа превратился в исторический персонаж, одного из многих исторических героев, образ которого хотя и оставался во власти мифологем, но системообразующего значения для русского общественно-исторического сознания отныне более не имел.

Таким образом, отражённый в источниках, образ Владимира Мономаха является продуктом многих сотен лет развития русской истории и культуры. Нашедший выражение в разного рода текстах, он на протяжении веков не был статичен, а подвергался довольно существенным изменениям, что являлось выражением перемен в общественном сознании и культуре, в соответствии с которыми создавались новые интерпретации истории. В течение долгого времени и благодаря ряду факторов (социально-политических, культурных и пр.), действовавших как порознь, так и в сочетании друг с другом, очевидно, и было определено столь заметное место этого древнерусского князя в мифологии русской истории.

Список литературы

1. Стёблин-Каменский М.И. Миф. Л.: Наука, 1976. 103 с.
2. Барт Р. Мифологии / Пер. с фр., вступ. ст. и коммент. С. Зенкина. М.: Академический проект, 2010. 351 с.
3. Вилкул Т. Полезный утопленник // Родина. 1999. № 4. С. 42–44.
4. Толочко А.П. Очерки начальной Руси. Киев; СПб.: Лаурис, 2015. 336 с.
5. Вілкул Т.Л. Володимир Мономах: тексти і версії // Український історичний журнал. 2004. № 1. С. 53–72.
6. Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. I. М., 1962. 379 с.
7. Сендерович С.Я. Метод Шахматова, раннее летописание и проблема начала русской историографии // Из истории русской культуры. Т. I (Древняя Русь). М.: Языки русской культуры, 2000. С. 461–499.
8. Ипатьевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. II. М., 1962. 938 с.
9. Ивков Д.Э. Концепции отечественной истории в русских летописных памятниках XIV–XV вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2009. 19 с.
10. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. А.Н. Насонова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 564 с.
11. Летописный сборник, именуемый летописью Авраамки // Полное собрание русских летописей. Т. XVI. СПб., 1889. 240 с.
12. Тихомиров М.Н. Малоизвестные летописные памятники. 1. Краткий Владимирский летописец // Исторический архив. Кн. 7. М.: Изд-во АН СССР, 1951. С. 210–211.
13. Львовская летопись. Ч. 1 // Полное собрание русских летописей. Т. XX. Первая половина. СПб., 1910. 420 с.
14. Орлов А.С. Владимир Мономах. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946. 191 с.
15. Пузанов В.В. Государство и общество Древней Руси глазами современников (XI – начало XII века): историко-антропологические очерки. Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2012. 240 с.
16. Ищенко А.С. Владимир Мономах в русском общественно-историческом сознании: мифологический образ и историческая реальность. Ростов-на-Дону: Антей, 2014. 276 с.
17. Лихачёв Д.С. Великое наследие. М.: Современник, 1980. 367 с.
18. Поньрко Н.В. Эпистолярное наследие Древней Руси. XI–XIII вв. Исследования, тексты, переводы / Отв. ред. Д.С. Лихачёв. СПб.: Наука, 1992. 216 с.
19. Алешковский М.Х. Русские глеборисовские энколпионы 1072–1150 годов // Древнерусское искусство. Художественная культура Домонгольской Руси. М.: Наука, 1972. С. 104–125.
20. Хорошев А.С. Политическая история русской канонизации (XI–XVI вв.). М.: Изд-во МГУ, 1986. 206 с.
21. Киево-Печерский патерик // Библиотека литературы Древней Руси. Том 4. XII в. / Под ред. Д.С. Лихачёва, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексеева, Н.В. Поньрко. СПб.: Наука, 2004. С. 296–641.
22. Бегунов Ю.К. Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли». М.; Л.: Наука, 1965. 232 с.
23. Kazhdan A. Rus-Byzantine Princely Marriages in the Eleventh and Twelfth Centuries // Harvard Ukrainian Studies. 1988–89. Vol. 12–13. P. 414–429.
24. Послание на Угру Вассиана Рыло // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 7. Вторая половина XV века. СПб.: Наука, 1999. С. 386–399.
25. Дмитриева Р.П. Сказание о князьях владимирских. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. 214 с.
26. Плюханова М.Б. Сюжеты и символы Московского царства. СПб.: Акрополь, 1995. 336 с.
27. Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам. Т. 1: Житие св. княгини Ольги. Степени I – X / Подг. под рук. Н.Н. Покровского. М.: Языки славянской культуры, 2007.

28. Синицына Н.В. О происхождении понятия «шапка Мономаха» (к вопросу о концепциях русско-византийского преемства в русской общественно-политической мысли XV–XVI вв.) // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования 1987 г. М.: Наука, 1989. С. 189–196.

29. Кінан Е. Російські історичні міфи. Київ: Критика, 2003. С. 16–41.

30. Ричка В.М. Спадщина Володимира Мономаха // Український історичний журнал. 2013. № 3. С. 98–112.

31. Жданов И. Русский былевой эпос. Исследования и материалы. I–V. СПб., 1895. 295 с.

32. Шенк Ф.Б. Александр Невский в русской культурной памяти: Святой, правитель, национальный герой (1263–2000). М.: Новое литературное обозрение, 2007. 592 с.

VLADIMIR MONOMAKH IN THE EYES OF CONTEMPORARIES AND POSTERITY: THE FORMATION AND EVOLUTION OF A MYTHOLOGICAL IMAGE

A.S. Ishchenko

The article examines the creation and evolution of the mythological image of the Grand Prince of Kiev Vladimir Monomakh. It is shown that this process was started by the contemporaries of the prince, and he himself played an active role in it. The myth, having been completely established by the middle of the 13th century, has undergone a significant evolution. As a result, by the end of the 15th – early 16th century, Vladimir turned from the terror of the Cumans, guarantor of justice and protector of the oppressed to a symbol of dynasty and an embodiment of autocracy. The myth that was most relevant during the reign of Ivan the Terrible gradually faded away. When Peter the Great put Alexander Nevsky on the pedestal of glory, the myth was finally marginalized and moved to the periphery of public consciousness.

Keywords: Vladimir Monomakh, myth, mythological image, socio-historical consciousness, Kievan Rus, Muscovy.

References

1. Styoblin-Kamenskij M.I. Mif. L.: Nauka, 1976. 103 s.
2. Bart R. Mifologii / Per. s fr., vstup. st. i komment. S. Zenkina. M.: Akademicheskij proekt, 2010. 351 s.
3. Vilkul T. Poleznyj utoplennik // Rodina. 1999. № 4. S. 42–44.
4. Tolochko A.P. Ocherki nachal'noj Rusi. Kiev; SPb.: Laurus, 2015. 336 s.
5. Vilkul T.L. Volodimir Monomah: teksti i versii // Ukraïns'kij istorichnij zhurnal. 2004. № 1. S. 53–72.
6. Lavrent'evskaya letopis' // Polnoe sobranie russkih letopisej. T. I. M., 1962. 379 s.
7. Senderovich S.Ya. Metod Shahmatova, rannee letopisanie i problema nachala russkoj istoriografii // Iz istorii russkoj kul'tury. T. I (Drevnyaya Rus'). M.: Yazyki russkoj kul'tury, 2000. S. 461–499.
8. Ipat'evskaya letopis' // Polnoe sobranie russkih letopisej. T. II. M., 1962. 938 s.
9. Ivkov D.Eh. Konceptii otechestvennoj istorii v russkih letopisnyh pamyatnikah XIV–XV vv.: Avtoref. dis. ...kand. ist. nauk. SPb., 2009. 19 s.
10. Novgorodskaya pervaya letopis' starshego i mladshhego izvodov / Pod red. A.N. Nasonova. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1950. 564 s.
11. Letopisnyj sbornik, imenuemyj letopis'yu Avraamki // Polnoe sobranie russkih letopisej. T. XVI. SPb., 1889. 240 s.
12. Tihomirov M.N. Maloizvestnye letopisnye pamyatniki. 1. Kratkij Vladimirskij letopisec // Istoricheskij arhiv. Kn. 7. M.: Izd-vo AN SSSR, 1951. S. 210–211.
13. L'vovskaya letopis'. Ch. 1 // Polnoe sobranie russkih letopisej. T. XX. Pervaya polovina. SPb., 1910. 420 s.
14. Orlov A.S. Vladimir Monomah. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1946. 191 s.
15. Puzanov V.V. Gosudarstvo i obshchestvo Drevnej Rusi glazami sovremennikov (XI – nachalo XII veka): istoriko-antropologicheskie ocherki. Izhevsk: Izd-vo «Udmurtskij universitet», 2012. 240 s.
16. Ishchenko A.S. Vladimir Monomah v russkom obshchestvenno-istoricheskom soznanii: mifologicheskij obraz i istoricheskaya real'nost'. Rostov-na-Donu: Antej, 2014. 276 s.
17. Lihachyov D.S. Velikoe nasledie. M.: Sovremennik, 1980. 367 s.
18. Ponyrko N.V. Ehpistol'yarnoe nasledie Drevnej Rusi. XI–XIII vv. Issledovaniya, teksty, perevody / Otv. red. D.S. Lihachyov. SPb.: Nauka, 1992. 216 s.
19. Aleshkovskij M.H. Russkie gleboborisovskie ehnikolpiony 1072–1150 godov // Drevnerusskoe iskusstvo. Hudozhestvennaya kul'tura Domongol'skoj Rusi. M.: Nauka, 1972. S. 104–125.
20. Horoshev A.S. Politicheskaya istoriya russkoj kanonizacii (XI–XVI vv.). M.: Izd-vo MGU, 1986. 206 s.
21. Kievo-Pecherskij paterik // Biblioteka literatury Drevnej Rusi. Tom 4. XII v. / Pod red. D.S. Lihachyova, L.A. Dmitrieva, A.A. Alekseeva, N.V. Ponyrko. SPb.: Nauka, 2004. S. 296–641.
22. Begunov Yu.K. Pamyatnik russkoj literatury XIII veka «Slovo o pogibeli Russkoj zemli». M.; L.: Nauka, 1965. 232 s.
23. Kazhdan A. Rus-Byzantine Princely Marriages in the Eleventh and Twelfth Centuries // Harvard Ukrainian Studies. 1988 – 89. Vol. 12–13. P. 414–429.
24. Poslanie na Ugru Vassiana Rylo // Biblioteka literatury Drevnej Rusi. T. 7. Vtoraya polovina XV veka. SPb.: Nauka, 1999. S. 386–399.
25. Dmitrieva R.P. Skazanie o knyaz'yah vladimirskih. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1955. 214 s.
26. Plyuhanova M.B. Syuzhety i simvoly Moskovskogo carstva. SPb.: Akropol', 1995. 336 s.
27. Stepnaya kniga carskogo rodosloviya po drevnejshim spiskam. T. 1: Zhitie sv. knyagini Ol'gi. Stepni I – X / Podg. pod ruk. N.N. Pokrovskogo. M.: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2007.

28. Sinicyna N.V. O proiskhozhdenii ponyatiya «shapka Monomaha» (k voprosu o koncepciyah russko-vizantijskogo preemstva v russkoj obshchestvenno-politicheskoj mysli XV–XVI vv.) // *Drevnejshie gosudarstva na territorii SSSR. Materialy i issledovaniya 1987 g.* M.: Nauka, 1989. S. 189–196.

29. Kinan E. *Rosijs'ki istorichni mifi.* Kiïv: Kritika, 2003. S. 16–41.

30. Richka V.M. Spadshchina Volodimira Monomaha // *Ukrains'kij istorichnij zhurnal.* 2013. № 3. S. 98–112.

31. Zhdanov I. *Russkij bylevoj ehpos. Issledovaniya i materialy.* I–V. SPb., 1895. 295 s.

32. Shenk F.B. *Aleksandr Nevskij v russkoj kul'turnoj pamyati: Svyatoj, pravitel', nacional'nyj geroj (1263–2000).* M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2007. 592 s.